

Оноре де Бальзак

Проклятое дитя

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

ФТМ

Оноре де Бальзак

Проклятое дитя

«ФТМ»

де Бальзак О.

Проклятое дитя / О. де Бальзак — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-0580-1

Действие повести перенесено Бальзаком в XVI век, в жестокую эпоху религиозных войн. Писатель не останавливается подробно на исторических событиях, однако суровые нравы эпохи феодального произвола и насилия показаны ярко и убедительно через трагическую судьбу жены и сына герцога д'Эрувиля, убитых страхом перед жестоким деспотом.

ISBN 978-5-4467-0580-1

© де Бальзак О.

© ФТМ

Содержание

I. Как жила мать	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Оноре де Бальзак

Проклятое дитя

Баронессе Джеймс де Ротшильд¹.

I. Как жила мать

Однажды зимою, около двух часов ночи, графиня Жанна д'Эрувиль почувствовала сильнейшие боли и тогда, несмотря на свою неопытность, догадалась, что у нее близятся роды; повинуясь инстинкту, который заставляет больного ворочаться с боку на бок в надежде, что ему станет легче, она приподнялась, – то ли затем, чтобы прислушаться к таким новым для нее невиданным мукам, то ли обдумать свое положение. Она испытывала жестокий страх, но не столько перед опасностями первых родов, которые так пугают всех женщин, сколько перед участью, ожидающей ее ребенка. Чтобы не разбудить мужа, лежавшего рядом с нею, бедняжка, терзаясь ужасом, двигалась с величайшей осторожностью, словно узник, совершающий побег из тюрьмы. Боли все возрастали, однако она перестала их чувствовать, ибо все свои силы сосредоточила на труднейшем деле: упираясь влажными от холодной испарины ладонями в подушку, она старалась заставить свое обессилевшее от страданий тело тихонько передвигаться и принять более удобную позу. При малейшем шорохе огромного, крытого зеленым муаром стеганого одеяла, под которым ей так плохо спалось на брачном ложе, она замирала, словно раздавался удар колокола. Ей надо было следить, не проснулся ли граф, и, опасно прислушиваясь к шелесту хрустящего плотного шелка, она в то же время не сводила взгляда с широкого обветренного мужского лица, перечеркнутого длинными усами, касавшимися ее плеча. Стоило вырваться у спящего короткому храпу, она вздрагивала, кровь бросалась ей в лицо, усиливая лихорадочный румянец, горевший на ее щеках от двойного волнения. Преступник, пробравшийся ночью к двери своей темницы и стремящийся бесшумно повернуть ключ в безжалостной, скрипучей замочной скважине, не мог бы испытывать больше отваги и робости. Когда графине удалось приподняться и сесть на постели, не разбудив своего стража, она сделала веселый детский жест, в котором сказались вся ее трогательная наивность; но улыбка, промелькнувшая на ее устах, тотчас угасла, какая-то дума омрачила ее чистое чело, а голубые миндалевидные глаза вновь приняли печальное выражение. Она тяжело вздохнула и с великой осторожностью опять оперлась ладонями о роковое изголовье супружеского ложа. Затем, словно впервые со дня свадьбы чувствуя себя свободной в своих поступках и мыслях, она внимательно посмотрела вокруг, быстро вытягивая шейку, точно птица в клетке. Увидев ее в это мгновение, каждый без труда угадал бы, что когда-то она была жизнерадостна и шаловлива, но судьба внезапно подкосила под корень юные ее надежды и обратила ее простодушную веселость в уныние.

Спальня принадлежала к числу тех покоев, которые еще и в наши дни восьмидесятилетние старички привратники показывают путешественникам, осматривающим старинные замки, и говорят при этом: «Вот парадная опочивальня, здесь однажды ночевал Людовик Тринадцатый». Стены обтянуты были гобеленами темного колорита, их окаймляла широкая рама орехового дерева, отделанная тонкой резьбой, но почерневшая от времени. Выступающие потолочные балки образовывали кессоны, украшенные арабесками столетней давности, и сохраняли естественный цвет каштанового дерева. Убранство этой спальни, отличавшееся суровыми тонами, так мало отражало света, что трудно было различить рисунки гобеленов даже в такие часы дня, когда солнце озаряло всю эту высокую и просторную комнату продолговатой формы. Серебряный светильник, стоявший на колпаке обширного камина, освещал

ее так слабо, что дрожащий его огонек напоминал тусклую звездочку, минутами проливающую свет сквозь сероватую пелену облаков в осеннюю ночь. С облицовки камина, сложенного напротив кровати, на графиню смотрели высеченные в мраморе смешные уродцы, такие безобразные, что она не решалась остановить на них взгляд, – ей боязно было: вдруг они зашевелиятся, а из их широко разинутых искривленных ртов понесется громкий хохот. В этот час на дворе бушевала ужасная буря, порывы шквала проникали в камин, там эхо вторило их завываниям и придавало им что-то злое; широким своим дымоходом очаг этот хорошо сообщался с небесами, и многочисленные головни, тлевшие в нем, казалось, дышали, как живые: по воле ветра они то вспыхивали, то угасали. Высеченный из белого мрамора герб д'Эрувилей с резными украшениями над ним и с фигурами, державшими его, придавал сходство с гробницей этому монументальному сооружению, парному с кроватью, – вторым монументом, воздвигнутым во славу Гименея. Современному архитектору было бы трудно решить, рассчитаны ли пропорции опочивальни для помещения в ней этой огромной кровати, или же кровать сделана именно для этой огромной опочивальни. Два амура, игравшие меж резных гирлянд на шатровом навесе орехового дерева, могли сойти за ангелов, а на колонках из того же дерева, поддерживавших этот деревянный купол, изображены были мифологические аллегории, объяснение которым следовало искать в Библии и в «Метаморфозах» Овидия². Уберите кровать – и шатровый навес с таким же успехом мог бы осенять кафедру проповедника у церковного амвона или же выситься на середине храма над скамьями знатных прихожан. Супруги поднимались к своему ложу по трем ступенькам, – оно стояло на помосте и с двух сторон было задрапировано зеленым муаром с крупным блестящим узором, именуемым «щебетанье», – может быть, потому, что он представлял собою символическое изображение певчих птиц. Эти огромные полотнища шелка ниспадали такими жесткими складками, что ночью они могли показаться металлическими. На задней и единственной стене навеса, устроенного над этим ложем владетельного сеньора, суеверные графы д'Эрувили всегда вешали большое распятие, и раз в год, в вербное воскресенье, капеллан замковой часовни украшал его новой освященной веткой букса и менял святую воду в кропильнице, врезанной в подножие креста.

По одну сторону камина стоял красивый ларь драгоценного дерева и великолепной работы, – в те времена девушки еще получали такие лари в подарок в день своей свадьбы. Эти старинные сундуки, за которыми так охотятся наши антиквары, представляли собою арсенал, откуда женщины черпали сокровища своих богатых и изящных уборов: там хранились кружева, парчовые юбки, высокие кружевные воротники, дорогие платья, кошелечки, которые привязывали к поясу, маски, перчатки, воздушные покрывала, словом, все изобретения кокетства XVI века. По другую сторону камина для симметрии стоял второй высокий ларь, в котором графиня держала свои книги, бумаги и драгоценности.

Убранство этого покоя завершали два старинных кресла, обитые узорной шелковой камкой, и большое, вывезенное из Венеции зеленоватое зеркало в красивой раме, поставленной на колесики, – своего рода передвижной туалет. Пол устлан был дорогим персидским ковром, свидетельствовавшим о любезном внимании графа к жене. На верхней ступеньке помоста стоял маленький столик, на который служанка каждый вечер ставила серебряный или золотой кубок с пряным напитком.

Уже с первых шагов в жизни мы познаем тайное влияние места, в котором находимся, на наше расположение духа. Кому не случалось в бедственные минуты искать в окружающих нас предметах залог утешительной надежды? И в счастье и в несчастье человек приписывает особое значение вещам, среди которых он живет, вслушивается в их прорицания, просит у них совета, – настолько он по природе своей суеверен. Вот и графиня обводила таким взглядом

² «Метаморфозы» Овидия – поэма римского поэта Публия Овидия Назона (43 год до н. э. – 17 год н. э.), в основу которой положены мифы о различных превращениях богов, героев и людей.

вещи, стоявшие в ее опочивальне, словно то были живые существа; она как будто просила у них помощи и покровительства, но вся эта мрачная роскошь казалась ей неумолимой!

Вдруг буря усилилась. Молодая женщина уже не смела надеяться ни на что хорошее, слыша грозный голос урагана, ибо в те века суеверия перемены погоды истолковывались каждым по-своему, в зависимости от его мыслей и привычек. Графиня устремила взгляд в дальний конец комнаты, к двум стрельчатым окнам. Но сквозь маленькие стеклышки, скрепленные частым свинцовым переплетом, она не могла увидеть, что творится на небосводе, и решить – не началось ли светопреставление, которое предсказывали монахи, алчущие даров от верующих. Сейчас было бы нетрудно поверить их пророчествам: так страшно ревело разбушевавшееся море, так били волны о стены замка, так грозно завывал ураган, казалось, сотрясавший даже скалы.

Хотя схватки следовали одна за другой и становились все мучительнее, графиня не осмеливалась разбудить мужа; она лишь пристально всматривалась в его черты, как будто ждала от него поддержки, пав духом от множества грозных предзнаменований. Но если все вокруг было угрюмым, лицо ее мужа даже в спокойствии сна было еще угрюмее. Колеблемый ветром огонек догорающего светильника, проливая слабый свет на край постели, мгновеньями озарял голову графа, и дрожащие светлые блики, пробежавшие тогда по неподвижному лицу, придавали ему странное выражение – как будто спящего даже в сонном забытии волновали бурные мысли. Графиня затрепетала и успокоилась, лишь когда поняла причину такого явления. Всякий раз, как луч света падал на это широкое лицо, а тени подчеркивали его характерные бугристые выпуклости, ей казалось, что муж сейчас откроет глаза и устремит на нее нестерпимо суровый взгляд.

Лицо его было беспощадно, как война, которая шла тогда между католической церковью и кальвинизмом³, и оставалось грозным даже во сне; резкие складки – следы волнений бранной жизни – придавали ему смутное сходство с каменными, источенными непогодой изваяниями, украшавшими здания тех времен; до времени поседевшие волосы, подобно кустикам белого мха на стволах старых дубов, совсем некрасиво окаймляли это лицо, на котором запечатлелись лютые страсти, порожденные религиозной нетерпимостью. Орлиный нос, формой своей действительно напоминавший клюв сей хищной птицы, темные тени под желтыми глазами, помятые веки, острые скулы и впалые щеки, жесткие и глубокие морщины, презрительно опущенные уголки губ – все обличало в нем честолюбие, деспотизм, силу воли, тем более страшную, что узкий лоб говорил о полном отсутствии мысли у этого человека и о храбрости, лишенной великодушия. Лицо графа было донельзя обезображено широким красным шрамом, который шел через правую щеку до самого уха и походил на второй рот. В возрасте тридцати трех лет, желая прославиться в злополучной религиозной войне, начало которой положила резня Варфоломеевской ночи⁴, граф был тяжело ранен. Это злосчастье, говоря языком того времени, еще усилило его ненависть к врагам католической религии, но, по вполне естественному душевному состоянию, ненависть эта распространялась и на всех мужчин, даже на его единоверцев, ежели они были красивы. Еще и до своего ранения граф был так уродлив, что ни одна дама не желала принимать его ухаживаний. Единственной женщиной, к которой он в молодости пылал страстью, была знаменитая куртизанка, прозванная Прекрасной Римлянкой.

Недоверчивость, развившаяся в нем вследствие злополучной раны, нового уродства, внушала ему необоримое подозрение, что теперь никакая женщина не может искренне полюбить его; характер графа стал свирепым, и если ему и случалось иметь успех в любовных делах,

³ ...война... между католической церковью и кальвинизмом. – Кальвинисты, или гугеноты, – сторонники протестантского вероучения, основателем которого был Кальвин (1509–1564). Имеются в виду религиозные войны во Франции (1562–1594).

⁴ Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов, произведенная католиками в Париже в ночь на 24 августа 1572 года. Резня вызвала новую войну между католиками и гугенотами.

то он обязан был этим лишь страху, который вызывала его жестокость. Довершающим штрихом портрета нашего неистового католика будет описание его руки, которая свешивалась сейчас с постели. Эту огромную волосатую руку он протянул словно для того, чтобы охранять жену, как скупец охраняет свое сокровище, и корявая эта рука, пораженная переплетением толстых жил и выпуклых мышц, походила на ветку бука, обвитую пожелтевшими стеблями плюща. Посмотрев на лицо графа, ребенок принял бы его за того самого людоеда, о котором нянька ему рассказывала страшные сказки. А по одному уж тому, какое большое место в длину и ширину граф занимал в постели, можно было угадать в нем гиганта. Лохматые, нависшие над орбитами брови оттеняли светлые глаза, горевшие свирепым огнем, словно у волка, притаившегося в густых кустах. Ноздри были выпуклые, как у льва. Верхнюю губу скрывали густые, но совсем не холеные усы, ибо граф до крайности пренебрегал заботами о своей внешности. Уста его в ту минуту безмолвствовали, – к счастью для графини, ибо ее охватывала дрожь даже при самом тихом звуке его хриплого голоса.

Хотя графу д'Эрувилю едва исполнилось пятьдесят лет, на первый взгляд ему можно было дать все шестьдесят, – настолько поблекло его лицо в утомительных походах, не отразившихся, однако, на его мощном сложении; впрочем, граф нисколько не желал походить на придворных красавчиков.

Графиня, которой шел тогда восемнадцатый год, представляла собою столь разительный контраст этому грубому великану, что было больно смотреть на нее. Каштановые волосы, кое-где отливавшие золотом, спускались на ее шейку пушистым облачком, а меж темных локонов выглядывало прелестное тонкое лицо, – именно такую нежной красотой Карло Дольчи наделял своих мадонн, поражающих белизною, подобной цвету слоновой кости, и страдальческим выражением, как будто они вот-вот скончаются от жестоких телесных мук. Она казалась чистым видением, ангелом, ниспосланным для того, чтобы смягчить суровость графа д'Эрувиля.

«Нет, он не убьет нас! – мысленно воскликнула она, всматриваясь в лицо мужа. – Ведь он такой честный, благородный, храбрый и верен своему слову. Верен своему слову?» Повторив про себя это утверждение, она вздрогнула всем телом и замерла, словно оцепенела.

Чтобы понять весь ужас положения, в котором оказалась графиня, необходимо добавить, что ночная сцена происходила в 1591 году, то есть в те времена, когда во Франции шла гражданская война и когда законы не имели силы. Жестокости Лиги, противившейся восшествию Генриха IV на престол⁵, превосходили все бедствия гражданской войны. В стране царил беззаконие, никто не удивлялся, если знатный человек приказывал заколоть своего врага среди бела дня на глазах у всех. Когда кто-нибудь в своих личных интересах снаряжал и вел в поход войско под знаменем Лиги или же короля, это вызывало величайшие похвалы одной из враждующих сторон. Таким образом, вояка Баланы⁶ чуть было не стал владетельным принцем у ворот Франции. Что же касается убийств, происходивших, так сказать, в семейном кругу, то о них, по словам современника, беспокоились не более чем об охалке сена, если только эти преступления не совершались с чересчур зверской жестокостью. Незадолго до смерти короля некая придворная дама убила дерзкого дворянина, который вел о ней непристойные речи. Один из любимцев Генриха III сказал ему: «Клянусь Богом, она его ловко зарезала!» Суровыми казнями граф д'Эрувиль, один из самых ярых приверженцев короля в Нормандии, держал в пови-

⁵ ...*Лиги, противившейся восшествию Генриха IV на престол.* – Католическая лига 1576 года – объединение французского католического духовенства, феодальной знати и дворянства (в основном север Франции), северофранцузской буржуазии и ремесленников (главным образом Парижа), выступала против гугенотов-кальвинистов; фактически распалась в конце 1576 года. В 1585 году Лига была восстановлена; главную роль в ней играла Парижская лига – объединение широких слоев парижского населения. В 1593 году Лига пошла на соглашение с принявшим католичество Генрихом Бурбонским и признала его королем (Генрих IV).

⁶ *Баланы* – маршал Франции. Во время религиозных войн он поочередно переходил на сторону то одной, то другой враждующей партии.

новении Генриху IV всю западную часть этой провинции, соседствующую с Бретанью. Он был главой одного из знатнейших во Франции и богатейших семейств да еще значительно увеличил доходы от своих многочисленных поместий, женившись за семь месяцев до той ночи, с описания которой начинается наше повествование, на юной девице де Сен-Савен; по воле случая, довольно часто бывавшего в те времена, когда люди мерли, как мухи, она внезапно оказалась наследницей достояния двух ветвей дворянского рода де Сен-Савенов. Основами этого супружеского союза были только необходимость и страх. Два месяца спустя, на пиру, который город Байе задал графу и графине д'Эрувиль в честь их бракосочетания, поднялся спор, который в ту невежественную эпоху был найден весьма нелепым; речь зашла о таком вопросе: признавать ли законными детей, родившихся через десять месяцев после смерти мужа, и тех, что родились через семь месяцев после первой брачной ночи.

– Сударыня, – резко сказал граф, повернувшись к жене, – ежели вы подарите мне ребенка через десять месяцев после моей смерти, тут я бессилён. Но не вздумайте рожать через семь месяцев после свадьбы!..

– А что бы вы тогда сделали, старый медведь? – спросил молодой маркиз де Верней, полагая, что граф хочет пошутить.

– Напрочь свернул бы голову и матери и ребенку.

Столь решительный ответ сразу оборвал обсуждение вопроса, неосторожно поднятого одним из нормандских сеньоров. Гости умолкли и с каким-то ужасом смотрели на прелестную графиню д'Эрувиль. Все были уверены, что свирепый феодал наверняка осуществит свою угрозу. Слова эти отозвались в груди его юной супруги, которая уже была тогда беременна; предчувствие, как молния, мелькнуло в ее душе и, озарив будущее, сказало ей, что она родит семимесячного младенца. Вся кровь волной хлынула у нее к сердцу, жар побежал по жилам, однако тело стало таким холодным, как будто ее бросили в ледяную воду. С тех пор не проходило ни одного дня, чтобы тайный ужас не омрачал самые невинные порывы ее души. И, вспомнив сейчас, как взглянул на нее муж, как зловеще прозвучал его голос, когда он произнес свой приговор, графиня вся холодела от страха, даже не чувствовала своих страданий и, наклонясь над спящим, вглядывалась в его лицо, надеясь увидеть в нем хоть искру жалости, коей тщетно искала она в часы бодрствования. Дитя, которому еще до рождения его грозила смерть, должно было появиться на свет Божий, и мать, голосом еле слышным, подобным вздоху, воскликнула: «Бедный мой!» Она не dokonчила, – есть мысли для матери нестерпимые. Да в эту минуту она и не в силах была рассуждать. Неведомая мука сдавила ей грудь и стеснила дыхание. Слезы покатались по щекам и, оставив за собою блестящий влажный след, повисли на краю беленького подбородка, словно капли росы на лепестке лилии. Какой ученый посмеет сказать, что на ребенка не влияют волнения матери, когда она объемлет его душой и телом, сообщая ему свои впечатления, когда ее мысль вливается в его кровь целительным бальзамом или глетворными флюидами? Ужас, от которого содрогалось дерево, не приводил ли в содрогание его плод? Быть может, слова «Бедный мой!» были пророчеством, подсказанным видением будущего? Как затрепетала тогда несчастная мать, каким пронзительным был ее взгляд!

Угроза кровавой расправы, которая вырвалась у графа д'Эрувиля, была звеном, таинственным образом соединявшим прошлую жизнь его жены с преждевременными ее родами. Публично выраженные гнусные подозрения отравили ее воспоминания и должны были отразиться на ее будущем. Со дня рокового праздника она со страхом гнала прочь сладостные картины, которые другая женщина с наслаждением воскрешала бы в памяти, и все же, вопреки ее усилиям, ее воображение часто рисовало их. Она отказывала себе в радости вспоминать те счастливые дни, когда сердце ее вольно было любить любимого. Подобно песням родной страны, исторгающим слезы у изгнанников, эти воспоминания возрождали столь сладостные чувства, что совесть юной графини д'Эрувиль упрекала ее за них, словно они были преступ-

ными, и тогда еще страшнее становилась угроза графа, – вот в чем была тайная причина смертельной тоски, томившей Жанну.

У спящих лица бывают исполнены безмятежного покоя, но хотя отдохновение тела и ума почти не изменяло злобного выражения уродливого лица графа, утешительные иллюзии несчастных манят их столь привлекательным миражем, что это спокойствие в конце концов внушило графине некоторую надежду. За окном потоками низвергался ливень, но буря уже улеглась, слышались лишь унылые завывания ветра; утихли и страхи графини, а муки, терзавшие ее тело, дали ей передышку. Глядя на человека, с которым была связана ее жизнь, графиня задумалась, отдавшись грезам столь сладким, что у нее не было сил разрушить очарование. В краткий миг волшебная сила воспоминаний, граничащая с божественным могуществом, возродила прошлое, и перед ней пронеслись картины безвозвратно утраченного счастья.

Сначала Жанна увидела смутно, словно при свете далекой, едва занимавшей зари, небольшой замок, где протекло ее беззаботное детство; вот знакомая зеленая лужайка, и прохладный ручей, и та уютная горенка, в которой так весело было играть. Вот она рвет в саду цветы, втыкает их в землю и никак не может понять, почему все они вянут, а расти не желают, хотя она так усердно их поливает. Но вот вырисовываются другие картины: огромный город и потемневшие от времени стены большого особняка, куда мать привезла ее в возрасте семи лет. В памяти всплыли смешные лица стариков-наставников, ее учителей и мучителей. Поток хлынули заученные испанские и итальянские слова, а в душе зазвучали любимые романсы, которые пела она под звуки красивой лютни, и за всем этим встал образ отца. Вот отец, председатель суда, возвращается домой из Дворца правосудия, и дочка выбегает навстречу ему, смотрит, как он, слезая с мула, становится на каменный приступок у крыльца, потом она берет отца за руку и поднимается с ним по лестнице, детским своим лепетом прогоняет заботы отца – ведь не всегда он их сбрасывал с плеч вместе с черной или красной мантией, с которой шалунья Жанна отстригала ножницами оторочку из белого меха с черными хвостиками. Лишь мельком бросила она мысленный взгляд на духовника ее тетушки, настоятельницы женской обители, не хотелось вспоминать этого строгого, фанатичного священника, на которого возложили обязанность приобщить девочку к тайнам религии. Закоснев в суровости, необходимой для подавления ереси, старик то и дело потрясал цепями ада, говорил лишь о карах небесных и страшил Жанну уверениями, что Господь Бог всегда надзирает за ней. Испуганная девочка от робости опускала глаза долу и не смела их поднять, к матери относилась с сугубой почтительностью, тогда как прежде заставляла ее принимать участие в детских своих забавах. Теперь ее юное сердце переполнял благоговейный страх, когда ей казалось, что мать сердито смотрит на нее. Потом в ее воспоминаниях предстала вдруг вторая пора детства, – когда она была подростком, ничего еще не понимающим в жизни. С сожалением, почти насмешливым, вспомнила она те дни, когда ее радости были такими наивными: она любила рукодельничать с матерью в высоком зале, где стены обтянуты были гобеленами, молиться в большой церкви, спеть романс, аккомпанируя себе на лютне, прочесть украдкой рыцарский роман, погадать, обрывая лепестки цветка, выведать, что ей подарят в день рождения, да разгадывать недомолвки и намеки, которыми старшие, случалось, обменивались при ней. Но тотчас иные мысли стерли, как стирают слово, написанное карандашом в альбом, те детские радости, что рисовало ей воображение в эту минуту отдыха от страданий, избрав их среди многих утех, которые принесли ей первые шестнадцать лет жизни. Очарование этого океана призрачных видений сразу же затмил свет белее свежих воспоминаний. Покой радостного детства не дал ей того сладостного чувства, которое она извела за два последних года, полных треволнений, годы, богатые сокровищами, навеки погребенными в ее сердце. И сразу графине вспомнилось чудесное солнечное утро, когда она вошла в большую приемную с резными дубовыми панелями, служившую столовой, и впервые увидела красивого юношу, своего родственника. Семья его матери, испуганная мятежами, происходившими в Париже, отправила этого молодого придворного в Руан,

надеясь, что там он приготовится под руководством двоюродного дяди к отправлению судебных обязанностей и впоследствии должность дяди перейдет к племяннику. Графиня невольно улыбнулась, вспомнив, как живо она упорхнула из комнаты, догадавшись, что незнакомец – тот самый родственник, которого ждали в доме. Она только отворила дверь и тотчас исчезла, едва успев взглянуть на пришельца, но эта встреча оставила столь сильное впечатление в ее душе, что и поныне Жанна видела его таким, каким он был в ту минуту. Тогда она лишь мельком любовалась роскошной его одеждой: но в воспоминаниях она была смелее и окидывала мысленным взором весь его наряд – от лилового бархатного плаща, расшитого золотом и подбитого атласом, до застежек на его башмаках, и от красивых продолговатых прорезей на камзоле и коротких пышных штанах до кружевного отложного воротника, открывавшего стройную молодую шею, такую же белую, как это дорогое кружево. Она ласкала взором его тонкое лицо с маленькими закрученными усиками и узенькой эспаньолкой, похожей на черные хвостики, разбросанные по горностаевой оторочке судейской мантии ее отца. В глубокой ночной тишине она отдалась своим думам, устремив невидящий взгляд на тяжелые складки шелкового полога; она позабыла и о буре и о своем грозном муже и даже осмелилась вспомнить, как после многих дней, которые казались ей долгими годами: так были они полны счастья, – старый сад, окруженный почерневшей оградой, мрачные стены отцовского дома засияли золотом и светом. Она любила и была любима! Ей вспомнилось, как украдкой от строгой матери она однажды утром проскользнула в отцовский кабинет и открыла отцу свою тайну. Сначала она уютно устроилась у отца на коленях, принялась шаловливо ласкаться к нему и, дождавшись, когда улыбка заиграла на красноречивых устах председателя суда, она спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.